

УДК 821.133.1

Ольга Федоровна Жилевич*канд. филол. наук, доц., зав. каф. межкультурных коммуникаций
Полесского государственного университета***Olga Jilevich***PhD in Philology, Assistant Professor,
Head of the Department of Intercultural Communication
of Polesky State University
e-mail: jilevitch@gmail.com***ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА
В РОМАНЕ ДЖОНА КУТЗЕЕ «СУМЕРЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ»**

Выявляется специфика художественной модели мира в философско-аллегорическом романе «Сумеречная земля» Джона Кутзее. Раскрываются особенности функционирования в нарративе произведения аллегории как художественно-эстетического средства текста и конструктивного фактора в организации прозаического целого. Представлены авторские стратегии в решении нравственно-этических, философских и онтологических проблем.

Philosophical-Allegoric World Model in the Novel «Dusklands» by John Coetzee

This article considers the philosophico-allegorical novel as a genre variety of the modern novel. Conceptual, content and formal-structural aspects of the allegorical works of foreign writers are analyzed. The role of synthesis of philosophical and art-allegorical principles in this genre variety is revealed. It is argued that the basis of the philosophico-allegorical novel is artistico-philosophical thought, framed with the help of allegory, and formed according to figurative and conceptual principles of reflection of the thinking of the corresponding era. Its main features are revealed: universalism in solving problems, deindividualization of the hero, orientation to the symbolic-allegorical form of narration, abstraction of the chronotope.

Введение

Философская проза – одно из актуальных явлений в литературе XX в. В ней отразились глубинные художественно-эстетические и идейно-духовные процессы эпохи. Господствующие в разное время позитивистские и иррационалистические течения способствовали процессу формирования и функционирования широкого спектра самых разнообразных повествовательных модификаций философской и, в частности, философско-аллегорической прозы.

Философско-аллегорическая проза сочетает в себе философскую и художественную парадигмы, их разнохарактерные виды действительности объединяются в ней общими качествами. В основе такой прозы лежит художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории по образнопонятийным принципам отражения мышления соответствующей эпохи. Основные черты современной философско-аллегорической прозы – универсализм в решении проблем определенной эпохи, ориентация на притчево-аллегорическую форму повествования с ее двуплановостью компо-

зиции и системы персонажей, абстрагированностью хронотопа и наличием подтекстовой информации [1, с. 37].

Аллегория (в данном случае в соотношении с притчевостью) формирует особое мироощущение, способ понимания и художественного отражения окружающего мира. В различных словарях литературоведческих терминов и понятий аллегория (от греч. ἀλληγορία – иносказание) определяется как один из видов тропов, иносказательное изображение отвлеченного понятия или явления действительности при помощи конкретного жизненного образа. Его характеристики, отвечая доминантным жизненным свойствам иносказательного явления, вызывают такое представление о нем, которое хотел отразить автор. Российский исследователь С. С. Аверинцев понимает аллегорию как «условную форму высказывания, при которой дескриптивный образ обозначает нечто “иное”, чем есть он сам, его внутренняя сущность остается для него внешним и оно однозначно зафиксировано за ним культурной традицией» [2, с. 28].

В англоязычной южноафриканской литературе аллегория занимала прочное место начиная с ее раннего развития (к примеру, в дидактических новеллах Дж. Льва Каше) и до современного периода (например, в философских романах таких авторов, как Этьен Леру, Берта Смит и Анна М. Лоу). Критик Ч. Вильгельм находит аллегорию в книгах Оливии Шрейнер (1855–1920). В своем труде «Ауэца» (1979) он пишет, что произведения писательницы подобны современным аллегориям: это «распространенные повествовательные метафоры для душ людей, стремящихся к истине, но стесненные специфической дилеммой XIX в., которые должны были вывести их из карательного богословия к свободе нового философского и художественного синтеза» [3, с. 65].

Известные писатели XX в., такие как Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, Дж. Кутзее, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горький, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. Гарсиа-Маркес, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, Р. Мерль, П. Модiano, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен, П. Констан, П. Киньяр, Б. де Бушерон обращаются к философско-аллегорической прозе для решения своих художественных задач.

Творчество Джона Максвелла Кутзее (*John Maxwell Coetzee*, род. 9 февраля 1940 г.) представляет собой оригинальный художественный опыт создания жанровых форм философско-аллегорической прозы, в которой преломляются трагические события прошлого века и раскрывается проблема сущности человека, его нравственного облика. Дж. Кутзее – лауреат Нобелевской премии по литературе в 2003 г., первый писатель, дважды удостоившийся Букеровской премии (в 1983 г. за роман «Жизнь и время Михаэла К.» и в 1999 г. за роман «Бесчестье»).

Как яркая личность, талантливый писатель, педагог и эссеист, Дж. Кутзее привлекал внимание многих исследователей. Кроме диссертационных работ (О. А. Павловой [4], Н. В. Константиновой [5], К. А. Григорьевой [6], М. С. Курбак [7], П. Хайеса, Д. Пеннера), особый интерес представляют англо- и русскоязычные критические статьи и монографии, посвящен-

ные творчеству и философии Дж. Кутзее (О. Ю. Анцыферовой, Л. Залесовой-Докторовой, М. Бюнинга [8], Л. Заморы [9], С. Уотсона [10], Дж. Гилмера [11], Л. Абрахамса [12], У. Вуда [13], Т. Дави, Ж.-Ф. Уэйда). Однако, несмотря на значительное количество таких трудов, философско-аллегорический аспект творчества Дж. Кутзее еще недостаточно изучен, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

Цель настоящего исследования – выявить специфические черты художественной модели мира в произведении Дж. Кутзее «Сумеречная земля» как философско-аллегорического романа.

Методологическая база исследования имеет комплексный характер и включает герменевтический, культурно-исторический методы, метод целостного анализа художественного текста, методические разработки по проблеме теории жанров.

Материалом для исследования послужил философско-аллегорический роман Дж. Кутзее «Сумеречная земля», в котором поднимаются нравственно-этические, мировоззренческие проблемы, переосмысленные сквозь призму аллегории.

Теоретические основы подхода Дж. Кутзее к определению аллегории

В своем подходе к аллегории Дж. Кутзее основывается на лингвистической теории Ф. Соссюра. Писатель считает, что «язык – это система обозначений, значения которых являются по сути произвольными и, следовательно, управляемыми» [Цит. по: 4, с. 9]. В свою очередь, известный критик М. Бюнинг полагает, что «в рамках структурного, семиотического взгляда на язык, в котором каждая единица может быть определена только по отношению к другим единицам в системе с точки зрения синтаксических и парадигматических отношений, особенно актуально изучение литературной символики в целом и аллегории как символической формы в частности. Исследовать аллегории Дж. Кутзее необходимо с точки зрения семантики. Его читателям необходимо постоянно искать значения аллегории за пределами буквального уровня» [8, с. 11]. «Произведения Дж. Кутзее по своей сути носят деконструктивный характер», – делает вывод М. Бюнинг. Л. Замора указывает, что аллегории писателя «изображают болез-

ненно разделенный мир, мир, в котором различия непримиримы и неразрешимы. Его первые три романа до боли ужасны в своем разоблачении духовного состояния Запада» [9, с. 105].

В своей прозе Дж. Кутзее следует канонам политической аллегии, специфику которой выявил Гегель в «Феноменологии ума». Немецкий философ полагает, что господин и слуга взаимозависимы, но при этом именно слуга, а не господин воплощает в себе потенциал для обновления. Господин неизбежно становится менее продуктивным, т. к. он становится все более зависимым, а рост власти у слуги прямо пропорционален его осознанию растущей зависимости своего господина. Осознание своей собственной силы заставляет слугу искать других, равных себе в «новых социальных и политических конфигурациях» [Цит. по: 8, с. 107].

С. Уотсон подтверждает, что проблемы колониализма, отношения между господином и слугой, повелителем и рабом, доминируют в художественных произведениях Дж. Кутзее. Он пишет, что в своих романах прозаик «признает расово-историческое происхождение как определяющую силу. Писатель раскрывает историю расового господства в Южной Африке не столь извращенно, но симптоматически для центральной направленности западного экспансионизма [10, с. 23]. «Дж. Кутзее не только ссылается на реальную историческую реальность, но он также демонстрирует нам, в вымышленном виде, тип психики, психологию, которую диктует эта реальность. Если колониализм, в упрощенном виде, приравнивается к завоеванию и покорению территории инопланетными людьми, то человеческие отношения, которые являются основными в этом процессе, также относятся к силе и беспомощности», – добавляет С. Уотсон.

Романист использует аллегию для того, чтобы в скрытой форме выразить свои социально-политические взгляды, направленные на борьбу против расизма, этнического и социального неравенства, жестокости. Его произведения являются осуждением насилия по отношению к другому человеку, и он выступает в качестве защитника прав человека. Повествуя о Южной Африке, он показывает напряженность между уг-

нетателем и угнетенным, рисуя душераздирающую картину тщетности усилий угнетенного.

С. Уотсон отмечает, что «Дж. Кутзее позволяет своим фантазиям свободно плавать во времени и пространстве, даже в случаях, когда географические лакуны – явно южноафриканские, что уводит читателя в сферу мифа и архетипа» [10, с. 74]. В свою очередь, Дж. Гилмер утверждает, что «вымышленные миры Дж. Кутзее являются “странами разума, территориями ‘Империи’, где традиционные мифологии были разрушены главным мифом истории”» [11, с. 20]. Литературовед заявляет, что писатель действительно заинтересован в изучении сознания, и что монолог сознания – это техника, которая соответствует художественным целям Дж. Кутзее. Писатель делает акцент скорее на интеллектуальных способностях персонажа, нежели на его характере, прибегает к описанию той или иной ситуации, нежели обращается к развитию действия. Это объясняется тем, что автор не придает значения ни психологическому портрету героев произведений, ни мотивации их поступков.

Основной целью философско-аллегорического повествования романиста является разоблачение собственного вымысла, т. е. некоторые сцены из повествования можно убрать или переставить в другую часть произведения. Данная особенность дискурса дает возможности для перестановок в процессе чтения книги [11, с. 54]. Это не означает, что роман Дж. Кутзее – это некое подобие письма, своего рода дискурс, форма которого будет представлять собой бесконечный вопрос о том, в чем заключается его смысл.

Специфика художественной модели мира в философско-аллегорическом романе «Сумеречная земля» Дж. Кутзее

Рассмотрим более детально специфику художественной модели мира в самом раннем романе прозаика «Сумеречная земля», опубликованной в 1973 г., в котором повествуется о первых европейских переселенцах, исследователях Африки, об их столкновении с африканскими племенами и трудностях взаимопонимания и взаимодействия между людьми разных рас и культур. Произведение состоит из двух частей, от-

носящихся к кардинально разным историческим периодам, которые, несмотря на это, дополняют и усиливают друг друга в проблемном аспекте. В романе тесно связаны аллегория, миф и вымысел.

Аллегория, которая лежит в основе произведения, является многоуровневой: она раскрывает ложную природу мифов, якобы управляющих поведением Запада; демонстрирует реальность природы и духа колониализма; рассматривает применимость теории Гегеля к взаимоотношениям между господином и слугой, колонизатором и колонизуемым; это показывает всю степень отчуждения человека, дезинтегрирующий эффект его жестокости по отношению к другим.

Л. Абрахамс видит в романе «примитивный южноафриканский пейзаж, вьетнамский военный пейзаж и бюрократическую Америку 1973 г., представляющие собой разные миры, характерные для аллегории» [12, с. 33]. Он утверждает, что эти пейзажи, в частности, являются выражением состояния души. По мнению критика, Кутзее развивает повествование в романе в условиях неадекватности и неуместности городского либерализма. Он пересматривает колониальную мифологию и сравнивает ее с американской дилеммой последних лет, дилеммой, неумолимо вытекающей из высокомерия власти [12, с. 39]. Л. Абрахамс высказывается по поводу неуместного названия «Проект Новой Жизни», подразумевающей победу во вьетнамской войне. Иронично и имя рассказчика, Юджин Дон – Dawn (Рассвет), в контрасте с «сумерками», в которых он живет, и его мрачными предложениями по так называемой «творческой» работе.

Сопоставляя войну во Вьетнаме и экспедицию в Амаваленд, Дж. Кутзее не только раскрывает историческую основу западного колониализма, но и использует более широкую универсальную канву, что исключает его отношение только к ситуации в Южной Африке: «Замок интересовала легкая прибыль, но лишь до тех пор, пока это не было связано с дополнительными обязательствами. Просим Дирекцию выделить для нашей команды еще 25 гессенских наемников. Набеги бушменов таковы и длина границы колонии настолько возросла, что необходимо установить пост для защиты дороги» [12, с. 139]. Иллюзия превосход-

ства разбудила саму западную цивилизацию и поставила под угрозу выживание западной цивилизации, подтолкнув население к еще худшим преступлениям в их попытках заполнить пустоту, образовавшуюся в результате утраты морально-этических ценностей общества. Самое тревожное, что дух колониализма, описанный Дж. Кутзее, все еще с нами, как показано в части о Вьетнаме в романе, и проявляет себя там, где одна раса считает себя выше и заявляет о своем праве доминировать над иными народами. Прогноз этого недуга, выявленного писателем, не очень обнадеживает.

У. Вуд отмечает, что и Дж. Кутзее, колонизатор, и его потомок, главный герой романа, неоколониалист Юджин Дон, являются жертвами «попыток жить в соответствии с подозрительным представлением о себе» [13, с. 71]. Дон показан в стремлении навести порядок в хаосе, в то время как Дж. Кутзее живет в эйфории от своего превосходства, которое дает ему право на власть над аборигенами. Отчуждение Дона и его глубокая неуверенность в себе подтверждаются метафорой, которую он использует, чтобы описать самого себя: «Я – яйцо, которое должно лежать в самом мягком гнездышке под самой заботливой наседкой, которая возилась бы со мной, пока не треснет моя малопривлекательная скорлупа и не вылупится моя робкая потайная жизнь» [14, с. 3]. Иносказание одновременно и иронично, т. к. то, что вылупляется из этого «яйца», является демонически разрушительным планом, а его «застенчивая тайная жизнь» – темнеющей пустотой, пустым небытием, раскрытым Ф. Ницше в «Сумерках богов».

Юджин Дон провозглашает ряд девизов и лозунгов: «Все уступки – ошибки»; «Верьте в себя, и ваш оппонент будет уважать вас»; «Цепляйтесь за мачту»; «Люди, которые верят в себя, достойны любви» и др. [14], – которые отражают главную идею романа: современный человек, описанный Кутзее, не имеет внутреннего стержня. Бытие человека – пустота, хотя Дон заявляет, что он пытается создать ядро для себя. Его надежда на то, что будущее решит его проблемы, вызывает одновременно чувство отчаяния и насмешки у читателя.

Его решение противостоять своему господину, Дж. Кутзее, является попыткой

самоутверждения неуверенного в себе «Я». Дон претендует на власть, но читатель видит его бессилие и неадекватность поведения. Сам Дон не понимает, что «освобождающий творческий акт», которым он занят, не творческий, а разрушительный, вызывающий депрессию.

В романе персонаж Дж. Кутзее – это сердечный человек, обладающий мужеством, у которого гордая прямая спина и смелый взгляд. Дон говорит: «Он мыслит авторитарно. Я бы хотел овладеть этим умением» [14, с. 109]. В этом высказывании скрытая ирония, т. к. Дон доверяет только тоталитаризму, в котором он был воспитан. Несмотря на его слова: «Я должен взять себя в руки», читатель понимает, что его личность на пути к разрушению. Юджин Дон отождествляет себя со своей работой, по плану которой должна быть уничтожена целая нация. Страдая от проявлений шизофрении, он заставляет страдать невинных людей. Его неотъемлемое желание – занять позицию наименьшего сопротивления, подчиниться и отказаться от своей индивидуальности.

Внутренний конфликт героя вызывает невыносимое напряжение, которое проявляется и в физических реакциях. Автор пишет о своем герое от первого лица: «Мне тяжело сейчас, когда я пишу эти слова. У меня плохо со здоровьем. У меня неверная жена, несчастливый дом, несимпатичное начальство. Я мучаюсь головными болями. Я не сплю. Я себя съедаю» [14, с. 41]. Его собственное тело становится источником постоянного раздражения, врагом, с которым нужно бороться, как и со всем остальным миром. Его отчуждение настолько глубоко, что включает в себя отчуждение от его самого близкого «Я». Идея Дж. Кутзее об отчужденности от отчуждения напоминает идею У. Блейка в «Едином видении». В романе даже приводятся цитаты из произведений У. Блейка, например: «Ограниченное эгоистическое сознание изолированного человека, который размышляет над своими собственными абстракциями и теряет чувство бесконечной и вечной реальности, воспринимаемой внутренним глазом поэтического воображения» [14, с. 172]. Эта идея отчуждения от самого себя поддерживается тем, что Дон работает по утрам, когда его тело слишком сонное, чтобы восстановить

работу мозга: «К сожалению, я неспособен заниматься творческой работой в библиотеке. Творческий порыв бывает у меня лишь в ранние утренние часы, когда враг в моем теле еще слишком сонный, чтобы воздвигнуть стены, обороняясь от набегов моего мозга» [14, с. 4].

Писатель показывает физическое проявление скуки, которая поглощает его героя во второй половине дня. Библиотека представляется идеальным местом для развития его «застенчивой внутренней жизни». Однако физическое тело персонажа – его скрытый враг – предает его. Автор сравнивает плоть героя с паразитом, который лишает его жизни. Рано утром творческий акт Юджина Дона описывается как море, покрытое льдом, которое тает. По иронии судьбы, он чувствует себя «теплым, трудолюбивым гением семьи», плетя свои «защитные измышления», которые ироничны в свете дальнейшего замысла похитить и убить собственного сына. Библиотека в романе Дж. Кутзее подобна бездонным глубинам Вавилонской библиотеки, описанной Х. Борхесом. Библиотека изображена в виде спиральной лестницы, подобно серому туннелю-броненосцу, защищенному четырьмя камерами безопасности, которых, однако, можно избежать, поскольку у них тоже есть «слепые зоны». В ней живет микроцефал, который следит, чтобы книги оставались на полках. Присутствие микроцефала на страницах произведения говорит о том, что развитие жизни – это болезнь как следствие властной западной цивилизации. По иронии судьбы Дон считает, что его работа будет одобрена этим микроцефалом, не понимая, что она является дальнейшим проявлением пустоты.

Серый цвет, в который окрашено все, что окружает главного героя: офис в институте Кеннеди, столы, освещение, книжные полки, кувшин, отражает его отчуждение. Отчужденные отношения Дона с женой и ребенком свидетельствуют о его бесплодии и неудачах. Его бессилие раскрывается в описании близких отношений с женой. Их сексуальное «единение» является еще одним проявлением небытия, так что наследственный творческий акт становится простой «эвакуацией», т. к. «мое семя стекает с мочи в пустую канализацию репродуктивных каналов Марилина» [14, с. 61]. описа-

ние брака безошибочно раскрывает его собственную шизофрению. У героя нет сильных человеческих отношений, чтобы прорваться через его ментальный солипсизм.

Заклучение

Аллегии Дж. Кутзее многозначны. Читатель мотивирован на поиски смыслов за пределами буквального уровня. Произведения писателя отличает деконструктивный характер, поскольку он пересматривает традиционную роль автора и развенчивает роль истории. Иносказание необходимо писателю, чтобы отразить социальное положение меньшинств в современной Южной Африке.

Художественное понимание философско-аллегорического романа «Сумереч-

ная земля» Дж. Кутзее базируется не на эстетическом выявлении философских принципов, а на создании модели воплощения общечеловеческих проблем. Утверждение нравственных ценностей осуществляется путем соотнесенности личностного сознания с миропорядком.

Связывая историю и фантастику, вырисовывая конкретные судьбы и политические события, Дж. Кутзее остро ставит проблемы потери человеком ориентации в обществе, утраты духовности и моральных ценностей. В произведении также нашла отражение теория Гегеля зависимости господина и слуги. Дж. Кутзее поднимает проблему отчуждения человека и жестокого воздействия неконтролируемой власти на людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жилевич, О. Ф. Современный философско-аллегорический роман: жанровые особенности / О. Ф. Жилевич // *Вісн. Брєсц. ун-та. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія.* – 2019. – № 2. – С. 37–43.
2. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской традиции / С. С. Аверинцев. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – С. 367–432.
3. Wilhelm, Ch. Trends in recent English fiction and criticism in South Africa / Ch. Wilhelm // *English in Africa.* – 1978. – P. 30–92.
4. Павлова, О. А. Категории История и Память в контексте постколониального дискурса (на примере творчества Дж. М. Кутзее и К. Исигуро) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / О. А. Павлова. – М., 2012. – 18 с.
5. Константинова, Н. В. Лингвостилистические особенности прозы Дж. М. Кутзее : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. В. Константинова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2009. – 21 с.
6. Григорьева, К. А. Автобиографическая трилогия Дж. М. Кутзее: жанровое своеобразие : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / К. А. Григорьева. – М., 2014. – 22 с.
7. Курбак, М. С. Исторические взгляды и творческая деятельность Дж. М. Кутзее : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / М. С. Курбак ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М., 2012. – 14 с.
8. Buning, M. T. F. Powys: A modern allegorist / M. Buning. – Amsterdam : Rodopi, 1986. – 214 p.
9. Zamora, L. P. Allegories of power: The fiction of J. M. Coetzee / L. P. Zamora. – Univ. of Houston, 1985. – 186 p.
10. Watson, S. Colonialism and the novels of J. M. Coetzee / S. Watson // *Research in African literatures.* – Univ. of Houston, 1986. – 216 p.
11. Gillmer, J. The motif of the damaged child in the work of J. M. Coetzee / J. Gillmer. – Pietermaritzburg : Un-ty of Natal Press, 1984. – 219 p.
12. Abrahams, L. Soft man in hard times / L. Abrahams // *The bloody horse*, 1981. – P. 20–104.
13. Wood, W. J. B. Dusklands and the impregnable stronghold of the intellect / W. J. B. Wood // *Theoria.* – 1980. – Nr 54. – P. 16–92.
14. Coetzee, J. M. Dusklands / J. M. Coetzee. – Johannesburg : Ravan, 1974. – 320 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.07.2020